



Ф.В.Шелов-Коведяев

ФАНТОМЫ ЕВРАЗИЙСТВА**(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПОЛЬЗЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ОДНОЙ МИФОЛОГЕМЫ)**

Идея особого, евразийского, пути развития России, если не считать сугубо академические диспуты на сей счёт, спровоцированные трудами Л.Н.Гумилёва (замечу, блестящими в своей литературной форме, но содержащими массу фактических неточностей и ошибочных интерпретаций), к исходу 1980-х годов окончательно пришла на смену дискредитировавшей себя «светлой» социалистической альтернативе человечества. И с тех пор, несмотря на серьёзные перемены, произошедшие в окружающем нас мире, неизменно увлекает многих авторов. В их числе не одни только резвые публицисты левацкого или националистического толка, но, как выясняется, и взвешенные аналитики, свободные от какой бы то ни было жёсткой ангажированности. Последнее, далеко не тривиальное, обстоятельство, побуждает меня после длительного перерыва вернуться к теме, которую я уже привык считать исчерпанной для серьёзного рассмотрения, как окончательно перешедшую в область конъюнктурных политических спекуляций.

Непосредственным импульсом к написанию настоящих заметок послужило прочтение новой книги О.И.Шкаратана «Российский порядок: Вектор перемен» (М., 2004). Сразу оговорюсь, что я целиком и полностью разделяю мнение автора и его единомышленников о том, что направления развития глобальной экономики в нынешнем веке будут определяться этнокультурными особенностями человеческих ресурсов, их инновационным потенциалом. В их основе находится сам человек с его неповторимыми способностями, интеллектуальный потенциал общества в целом. Все это выводит его культурно-цивилизационную, религиозную (и/или конфессиональную) и этническую идентификацию на первый план.

Сильное впечатление производят определение СССР этакратией, а номенклатуры – прослойкой, узурпировавшей в советское время собственность на государство и продолжающей занимать ключевые позиции на всех уровнях власти до сих пор; чётко аргументированное мнение об абсолютном доминировании «отрицательного отбора», как принципа рекрутирования в её ряды. Отмечу попутно, что автор не принял для себя окончательного решения о степени структурированности нашего общества. Он пишет то о социальных слоях, как унаследованных из недавнего прошлого «размытых множествах», ли-

шённых осознания своих групповых интересов и всего с ним связанного, то утверждает, что научная и инженерная интеллигенция, по другой его же версии – исчезающая (?) на протяжении последних десяти лет, а также высококвалифицированные рабочие, прекрасно ощущают свою общность. Не убеждает меня и призыв дать больше полномочий по воздействию на бизнес правительству этакратического и коррумпированного (а другого у нас и нет, ибо по-прежнему всюду заправляет номенклатура разного уровня – см. выше) государства. Думаю, Франклин Д.Рузвельт тут не указ.

Очень интересные наблюдения и далеко идущие выводы сделаны относительно состава современного среднего класса и его численности в России. С одной стороны, на фоне шокирующе малой (2,1%) величины последней, которая, наверное, вызовет у многих потребность в дополнительных уточнениях, суммарный результат правых на думских выборах 2003 года выглядит не драматическим провалом, а ошеломляющим успехом. С другой, таблица 6 в указанной книге демонстрирует внушительный резерв, из которого может формироваться его пополнение: до 68,8% от нынешней общей численности занятых.

Ясно, что в оценке того, что с нами происходит, надо детально учитывать отечественную культурную составляющую (ведь можно согласиться, что многое в истории и перспективах, и не только наших, задано). И правомерно включать её резерв в построение национальной стратегии интеграции страны в доминирующие мировые процессы. Вопрос состоит в том, как это следует делать.

Является ли Россия отдельной, как утверждает, евразийской, цивилизацией, имеющей в своей ткани несоизмеримо больше азиатских черт, чем даже наши ближайшие европейские соседи? Так ли уж не присущи нашей истории институты гражданского общества? Или мы специфическое, впрочем, как и остальные, ответвление от всё же единого европейского ствола?

Парадоксально, но, отрицательные ответы на первые два вопроса частично даёт сама книга. Это как бы предполагает положительную реакцию на вопрос третий, которой я, тем не менее, не нашёл.

Например, доверие партнёру, верность слову, ссудные операции, корректное отношение к конкурентам и прочие обычаи, характерные для цивилизованного ведения бизнеса, подчёркиваются в качестве традиционных ценностей русской деловой этики. Отмечается, что ни Православие, ни Церковь никогда не относились к предпринимательству отрицательно. Более того, добавлю, такие ветви ортодоксии, как старообрядчество, прямо ориентируют своих последователей на «достижимость» (ровно протестантство!).

Не более чуждыми нам оказываются и демократические установления. Справедливо отмечается, что в домонгольское время вече и выборные городские головы существовали повсеместно, в Московии они дожили до конца XIV в. В Новгороде и Пскове – до XVI. На смену

им в XVI–XVII вв. пришло сначала местное самоуправление в земской и губной формах, соглашения двorca с посадом, а затем, в Империи – сквозная система сословных представительств. За ними же последовали новое земство и – с начала XX в. – Государственная Дума.

В частности, подчеркну, что демократический фундамент городской автономии ярко проявил себя в период Смуты и польско-литовского нашествия. В самом деле, кем же был *гражданин* Минин и вольные москвичи, запершие интервентов в Кремле, как не такими же, по своей политической сути, буржуа (по-русски – мещанами), как и современные им аналоги в большей части остальной Европы?

И в основном направлении освоения окружающего мира наше Отечество целиком следует общеевропейской парадигме. Русь и Московия – точно так же, как Нидерланды, Испания, Бельгия, Британия, Франция, Португалия, Германия, – всегда шла с Запада на Восток (в том числе, Северо-Восток) и Юг (мы помним, что даже Америку Старый Свет, проверяя гипотезу о шарообразности Земли, перепутал для себя как побочный продукт поиска короткого и безопасного *западного пути на восток*, в Индию: в противовес уже известному, вокруг Африки и мыса Доброй Надежды, долгому и роковому для многих судов), а не наоборот. Попятный вектор – Украина, Белоруссия, Прибалтика – был связан с возвращением под власть короны ранее утраченных старых (Киевской, Новгородской, Смоленской Руси) владений. Присоединения Польши и, только отчасти, Финляндии – здесь суть исключения, лишь подтверждающие правило.

Что же тогда остаётся в обосновании, якобы, неизбежной русской «азиатчины»? Отношения «власть–собственность».

Остановимся на данном вопросе подробнее, ибо он сильно мифологизирован. Не только в отношении России, но и – шире – Запада и Востока в целом.

Как известно, древнейшие государства появились на Среднем (Двуречье) и Ближнем (Египет) Востоке, чуть позже – Дальнем (Китай) и юге Среднего (Индия). И там повсюду мы, впрямь, наблюдаем слитность власти и собственности. То есть, непосредственную зависимость величины второй от объёма первой. Но есть ли и это эксклюзивная черта исключительно азиатских деспотий? Нет! То же самое мы видим позднее (развитых обществ тут раньше просто не было) и на европейской почве.

Первая попытка расколоть их слитность в Афинах относится только к временам Солона. В дальнейшем утверждение частной собственности и основанных на ней политических правах продвигалось в Аттике, действительно, довольно успешно. Однако, так было далеко не во всех полисах. Я уж не говорю о Спарте. В Римской же Республике частной собственности на главное средство производства – землю – юридически не существовало никогда. А Империя и вовсе демонстрирует нам возврат к полномасштабной сцепке «власть–собственность» во всех её формах.

Более того, католические и протестантские нации, гордые своим происхождением от Рима, забывают, что как раз там всегда наиболее ярко и последовательно утверждался приоритет общественных ценностей над индивидуальными, интересов государства – над частными и т. д. Именно поэтому, кстати, в советское время заниматься исследованием римских древностей было куда комфортнее, чем эллинских.

Античность демонстрирует нам очень сложную систему градаций свободы и зависимости. Оттого-то обращаться с её материалом надо с особой осторожностью. Масса документированных примеров показывает, что раб могущественного господина обладал не только своим, обособленным от хозяина, имуществом, но и личными правами, которые превосходили формальные возможности даже высоко-статусных свободных. Что уж говорить о массе людей, находившихся, в силу разных обстоятельств (вольноотпущенники, должники, беднота, наёмные работники, метэки, временно пребывающие иностранцы и проч.), по меткому выражению Аристотеля, в положении *между* рабами и свободными.

Здесь можно констатировать прямую зависимость персональной свободы от обладания реальными, в том числе и отражёнными от сильного патрона, политическими полномочиями. Что, скорее, напоминает сословную структуру современных китайского, индийского и арабо-исламского обществ, где степень не декларированной, но располагаемой каждым на деле свободы вытекает из его принадлежности к тому или иному властному/социальному слою.

Таковы начала современной европейской цивилизации. Двигаясь по этой линии дальше, в Средние Века, мы также не увидим разительных содержательных, а не хронологических, различий между Россией и Западом.

Да, русское дворянство, вплоть до указов Петра III и Екатерины II, не обладало частной собственностью на землю. Оно было обязано за неё службой. Что, однако, ничем не выделяет его из среды мелкого рыцарства Европы. Более того, рядовая польская шляхта обрела те же права от австро-венгерской и прусской корон только после того, как они были дарованы ей Екатериной. Хотя, в целом, западноевропейские «помещики» получили землю на два века раньше отечественных.

Там земельная собственность была сосредоточена у титулованной, первоначально обладавшей полнотой политической власти на своей территории, знати. И у нас существовали вотчины (более ранняя форма термина – *отчина* – ещё рельефнее оттеняет наследственный, частный характер таких земель) не только государей (Великих Князей и Царей), но и владетельных князей, княжат, бояр и верхнего слоя детей боярских. Вот она, снова единая ось «власть–собственность» от Атлантики до Урала. О крестьянах разговор особый. Но вспомним, что и в Британии в период «огораживания» частными правами обладало их абсолютное меньшинство.

До сих пор иногда приходится слышать, что феномен служилой знати един и для русского узуса, и для Запада. А вот феода уж, во всяком случае, у нас никогда не было. Тоже не очень верно.

Во-первых, «эталонный» феодал только в Британии или немецких княжествах, но и в самой Франции, которая подарила миру дефиницию данного явления, в Средние века за пределами Иль-дэ-Франса редко где можно встретить. В Бургундии или, скажем, Провансе, он обнаруживает своеобразие не меньшее, чем в аналогичных практиках других стран. Тем самым, «феодал» является собирательным термином, наполненным каждый раз иным, в нюансах, содержанием, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Во-вторых, если исходить из стандартных определений¹, то оказывается, что, не называясь так, феодал, в своеобразной, безусловно, как и в других экономиках, форме, фактически у нас существовал.

Следовательно, отличие тут скорее даже не в отсутствии организационно-правовой формы, как таковой, а лишь в дефиците отражающего её терминологизированного понятия, закреплённого в соответствующей юридической категории, объединяющей разнообразие обычаев Запада в единое целое, из которого только формально, а не по сути, выпадают российские реалии. Недаром у Даля находим: «Феодалы — земли, владельцы, уделы, удельные; голд, голдовники; вассалы, под одним общим владельцем.» (В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV, М., 1999 — репринтная публикация издания 1882 г.). Таким образом, в русском языке смысловую нагрузку, отражённую в континентальном праве лексемой «феодал», несло в себе слово *удел*, так же, как в западных землях Империи, прежде всего Польше, — *голд*.

В Новое и Новейшее Время рецидивы возврата к старым порядкам («реакция») прекратились во Франции только при Луи-Филиппе. В Испании ситуация, в целом, выправилась, как и в России, к концу XIX века. В Италии — и того позже. Хотя, как показывают эксцессы режимов Гитлера и Франко, «империи» Берлускони, сицилийских и неаполитанских кланов, неутихающие коррупционные скандалы периода правлений Миттерана и Ширака, Клинтона и Буша, стержень «власть — собственность» сохранил недожонную способность давать метастазы, в том числе на Западе, и в XX, и в нынешнем столетиях. То есть, ничего в нём неизбежно азиатского нет.

Да и если бы главным, органичным, отличием России от прочих европейских стран была именно неразрывная связь власти и собственности, то зачем бы большевистскому режиму пришлось уничтожить, во имя утверждения такой «вертикали», десятки миллионов людей — от аристократии и крупной буржуазии до нэпманов, лавочников, кустарей и крестьян? Тем более, что и сам он был насаждён и идеологически (марксизм) и финансово (германское золото) извне, из Западной Европы?

¹ Например, «Феодал (позднелат. *feodum*) в Зап. Европе в Ср. века наследств. зем. владение, пожалованное сеньором вассалу под условием несения службы (военной, участие в управлении и суде и др.) или уплаты установл. обычаем взносов» (СЭС, М., 1984) или «земля (или фиксированный доход), пожалованная в наследств. владение сеньором своему вассалу, обязанному за это нести воен., придворную (участие в сеньориальном суде, в управлении сеньории и др.) службы, вносить установленные обычаем платежи» (БЭС, М., 1996) и т. п.

Опять же, и преобладание сословных различий над классовыми (см. выше) свойственно большей части истории человечества вообще. Ничего тут специфически русского нет. В конце концов, и формирование сейчас так называемого «сетевого» (Интернет тут ни при чём!) общества в наиболее развитых экономиках и демократиях есть нечто иное, как мимикрия всё тех же сословных групп в новых для них условиях.

Итак, связка «власть–собственность» тоже не является исключительно азиатской характеристикой. Это, похоже, одна из немногих универсальных стадий развития человечества. Разные общества проходят ее с различной скоростью, но всегда мучительно и небыстро, сопровождаемые постоянным риском опрокинуться в собственное прошлое. Все в разное время, но обязательно освобождаются от неё. По этому же пути, как мы видим, не без зигзагов (как и другие), шла и идёт и наша страна.

Правда, восточные нации, особенно те, где остро стоят вопросы земли и воды, надолго задержались в ней. В Китае этому дополнительно способствовало представление о божественном происхождении Империи, в Индии – сакральная санкция кастового строя. На Древнем Востоке – мифологема о монархе как земном боге, воплощённом божестве в буквальном, не метафорическом смысле слова. И, в качестве такового, естественно, единственном подлинном собственнике всего – вещей и людей, – находящегося на контролируемой им территории. Что затем было унаследовано культурами мусульманских народов.

Однако, и там, как показывают идущие в последние десятилетия процессы в Турции, Иордании, Малайзии, на Тайване и в особых экономических зонах Поднебесной, эта остановка не является чем-то раз и навсегда заданным. Общее правило, однажды, пусть и не без внешнего влияния, «проснувшись», всё более мощно пробивает себе дорогу в Азии.

Между тем, я менее всего хотел бы быть понятым таким образом, что полностью отрицаю русское своеобразие. Это было бы, по меньшей мере, глупо. У всех оно есть, даже теперь, когда многое унифицировалось, не спутаешь не то что Францию с Бельгией и Италией или Данию с Британией и Голландией и Венгрию со Словакией, но и Испанию с Португалией и Чехию с Польшей, не говоря уже о латинских, германских, балтийских, славянских и финно-угорских странах. А у нас нет? Просто, дело не в азиатском воздействии и не в евразийстве.

Последнее сохраняет смысл только в сугубо географическом контексте. Ведь мы убеждаемся, что ни институт «власть–собственность», ни сословность, ни даже периодические повороты назад сами по себе не объясняют особость России. Ибо *все* (так, в Западной Европе наряду с лидерами – Нидерландами и Британией – были и есть свои отстающие – Италия, Испания и Португалия, – между которыми рас-

полагаются «среднячки» – Франция, Бельгия и Германия; аналогичное распределение наблюдается и в Центральной, и в Южной, и в Северной, и в Восточной Европе) следуют в русле рассмотренной тенденции *с разными пируэтами и скоростью*. Поскольку же таковая распространена повсеместно, постольку Россия представляет собой не другую, уникальную «евразийскую», цивилизацию, а совершает постоянные маятниковые движения, включающие затяжные откаты, в единых рамках общеевропейской, по базовым признакам нашей культуры, модели.

Так что же, в данном случае, отличает наше Отечество от Запада, пример успехов которого нас увлекает? Здесь, безусловно, играют важную роль темп движения и количество и продолжительности пауз и возвратов к однажды пройденному. Основное состоит в том, что из-за меньших показателей первого и бульших – второго и третьего – мы, в сравнении с названным ориентиром, постоянно запаздываем.

Справедливость требует отметить, что у процесса российской ретардации существует объективная основа. Давно подмечено, что Россию и спасают, и губят её пространства. Применительно к затронутым здесь сюжетам надо коснуться только трёх аспектов данной проблемы.

Во-первых, возможность реализации пассивной формы борьбы за самостоятельность имела у нашего третьего сословия и крестьянства на протяжении значительно большего времени, чем у прочих европейцев. Путь, в буквальном смысле, *ухода* от слишком обременительной опеки созерена – на Сечь, на Дон, на Волгу, на Урал, за Урал, в Сибирь и на Дальний Восток, – раз открывшись, так, практически до сталинского тоталитаризма, никогда и не закрывался. Что, конечно, существенно снижало температуру демократических процессов на территориях, откуда постоянно *утекали* потенциально наиболее активные и перспективные, в этом смысле, люди.

Во-вторых, просторы намного дольше сохраняли относительно эффективным экстенсивный вариант развития. Ту же истощившуюся землю проще и дешевле было бросить и перейти на новый участок, которых было в избытке, чем внедрять агротехнические решения на старой площадке. Да и разбросанность и небольшая плотность населения, применительно к громадным, даже до Урала, территориям, не способствовала его консолидации и концентрированному осознанию общих интересов. Что позволяло тем же Демидовым и Строгановым, собрав на своих производствах вольнонаёмных работников, затем, незаметно для остальной страны, прихлопнуть их независимость крепостью, недовольных перебить, а оставшихся привести в полное повиновение.

В-третьих, сравнительная, и географическая, и количественная и качественная, доступность знаменитого «простого продукта», с которым государство может богатеть, не очень нуждаясь в золоте (русская монета традиционно чеканилась из серебра), и рабочих рук, в целом,

не стимулировала экономическую интенсификацию. Западные европейцы были вынуждены искать сырьё за океанами. Это, с одной стороны, его сильно удорожало и обязывало экономить (вот она, причина бережливости, православие тут ни при чём!). А значит, удешевлять производство конечной продукции, идти по интенсивному пути. С другой, – вызвало к жизни мощную морскую торговлю и всё с нею связанное, от научных открытий до бурного развития кредитования коммерческих операций и раннего возникновения финансового капитала. Россия решала те же проблемы, присоединяя новые земли к коренной территории. Чья непрерывность значительно смягчала остроту вышеназванных императивов.

Наконец, народы, встречавшиеся по ходу расширения владений, в отличие от испанского или английского опыта, были или достаточно этнокультурно близки, или, в силу большей растянутости (на века и века, с IX по XX столетия) самого процесса освоения, абсорбировались и адаптировались постепенно. Причём, в общую национальную ткань, без резкой, как правило, грани между первоначальным ядром и вновь включёнными. Достаточно вспомнить, что инородческая знать вливалась в состав русской аристократии. А что делало нашу колонизацию, в отличие от западной, менее brutальной и не требующей такого напряжения самых разнообразных ресурсов.

Своего места заслуживает Ордынское Иго. Обычно его сильно демонизируют. Ведь в своей жёсткой форме оно длилось около 80 лет, а не 200 с лишним, как обычно пишут. Но, оно, как и само монголо-татарское нашествие, безусловно, отбросило шедшие до него на Руси экономические, социальные и политические процессы далеко назад. Впрочем, убаюкивать себя его объективностью тоже никак нельзя. Ведь дальше в роли тормозов и стрелок, препятствующих поступательному движению России вперёд и уклоняющих её в сторону от оптимальной траектории, выступают сплошь субъективные факторы.

Главная опасность таких остановок и откатов заключается в том, что однажды появившееся отставание не остаётся неизменным, но постоянно накапливается. Что делает его преодоление, с каждой новой итерацией, всё более и более сложным и затратным. Масштаб существующего *теперь* разрыва хорошо показывает продолжающееся, даже в кругу солидных, широко мыслящих, аналитиков, обсуждение методов и форм строительства в России сильного национального (в политическом смысле) государства. В то время, как в глобализирующемся мире данная форма самоорганизации человеческого общества всё более приобретает черты анахронизма. Я ни в коем случае не призываю к перескакиванию этапов. Но поражает, что наша научная и политическая мысль тут, чаще всего, и останавливается, далее скользя по верхам доминирующих вонне тенденций, не осмысливая глубоко их суть и, натурально, не предлагая видения места, которое страна должна в перспективе в них занять. И не определяя, когда наступит это будущее.

Вернусь несколько назад. На определённой стадии все европейские монархи решительно занялись политикой централизации. Но, пожалуй, только Грозный строил свою «властную вертикаль» столь существенно и непоследовательно, чем нанёс уникальный в своём трагизме урон всем сторонам народной жизни. Восстановление ее заняло больше века. Вскоре же затем явились Пётр I и Екатерина II, которые, модернизируя страну, окончательно затвердили крепостное право. В остальной же Европе оно полностью изжило себя и стремительно разрушалось как снизу, так и сверху. Здесь полная разнаправленность векторов развития, надолго задержавшая Россию на пороге Нового Времени, проступает наиболее рельефно. В результате, оно наступило у нас лишь в итоге проигрыша Крымской войны, с Великой Реформой Александра II.

Последовавшее за ней бурное политическое и экономическое развитие по европейским рельсам заняло около полувека и было грубо купировано большевиками. Их эксперимент, продлившийся, со стыдливым и скромным перерывом на НЭП, вполтину дольше, чем предыдущий прорыв к прогрессивной модели развития имеет наиболее тяжёлые последствия. Он вернул русское общество к этакратии не когда-нибудь, а в XX столетии, отмеченном радикально противоположной доминантой. Надо согласиться с О.И.Шкаратамом: «в итоге в стране сформировалось “общество низшего класса” с пониженной долей талантливых, образованных, здоровых, сильных, предприимчивых и энергичных граждан», что повсеместно преобладал «отрицательный отбор» кадров, что огромное число созданных у нас крупнейших в мире предприятий были вызваны к жизни не экономической, а политико-организационной необходимостью.

Впрочем, список станций и полустанков, на которых надолго застывал отечественный локомотив, можно легко продолжить и за пределами предложенного перечня.

Самый большой риск подобных девиаций связан с тем, что с каждой такой запинкой, даже вновь стартуя в нужном направлении после продолжительной паузы, мы попадаем не в точку возврата. Не в те же условия, в которых началось отклонение от интенсивной парадигмы. Нет. Ведь мировое развитие, в отличие от нашего, не топталось на месте. Следовательно, наше отставание от магистральных трендов и препятствия к возвращению в их русло постоянно возрастают. С каждым разом всё больше. И однажды они могут оказаться вовсе непреодолимыми, если мы позволим себе и дальше, вместо кропотливой повседневной и даже рутинной работы по наращиванию наших преимуществ, увлечься поисками своего «особого пути» в том виде, как нам это обычно предлагают.

А миражи «евразийства» как раз принадлежат к их числу. Думаю, что единственным нашим принципиальным отличием от большинства европейских наций является имманентно присущее нашей истории запаздывание в рамках общей миссии. Его же побочным про-

дуктом, в свою очередь, выступает перманентно возрождающийся интеллектуальный соблазн конструирования «красивых» мировоззренческих построений и интерпретаций в защиту своих недостатков и во оправдание собственных ошибок. Они же, в свою очередь, неизменно перерастают в ощущение превосходства и делают лишним сообразование своих действий с окружающим миром. И снова и снова возвращают нас в очередной кювет на обочине столбовой дороги цивилизации.

Суммирую. Вместо самоутешения России «евразийством» или какими-либо ещё губительными политическими или социальными призраками, обществу, действительно, нужна реальная альтернатива развития тому пути (сырьевому, номенклатурному и т. д.), по которому мы продолжаем пока двигаться по инерции. Догонять Запад *механистически* будет вряд ли эффективно. Не так уж и много у нас конкурентоспособных в нынешних условиях научных разработок и технологий.

Очевидно, чтобы переломить ситуацию, было бы оптимальным сосредоточиться на их продвижении в сочетании с импортом того, в чём мы серьёзно отстали. Заодно провести люстрации, чтобы убрать организационный тормоз. А параллельно инициировать совсем новую (не ту, которую сейчас ещё называют инновационной – от информационно-коммуникационных технологий до аудита и консалтинга) экономику, организованную на базе культурного и интеллектуального багажа, тех накопленных, в частности, в нашей науке знаний, которые, в силу естественных ограничений, не могут быть востребованы вплотную подошедшей к полному исчерпанию своих возможностей экономикой потребления. Что породит спрос на мелкий и средний бизнес и средний класс, как их проводников. Впрочем, сказанное в настоящем абзаце представляет собой набор тем, заслуживающих отдельного рассмотрения.